

СЕВЕРСК.

Трое в лодке, не считая Анубиса

В Томской области, в маленьком атомграде под названием **Северск** есть небольшой молодежный театр «Наш мир», который был создан в 1991 году братьями **Виктором и Геннадием Шошиными** на основе популярной шоу-группы. Шли годы, театр развивался, расширялся его репертуар, пополняясь концертными программами, спектаклями для детей и постановками для взрослого зрителя. Со временем он получил статус муниципального и обрел постоянную сценическую площадку.

Его многолетнее сотрудничество с Ярославским государственным театральным институтом вылилось в то, что в 2009 году на базе театра набрали целевой курс по специальности «актер драматического театра и кино», а в июне 2013 года шесть молодых актеров получи-

ли дипломы ЯГТИ о высшем профессиональном образовании.

В силу разных обстоятельств (закрытость города, отсутствие регулярного фестивального опыта и т. д.) «Наш мир» не так хорошо известен широкой театральной общественности, а меж тем, сегодня в нем происходят яркие и интересные события. Одно из них — премьера спектакля «**Тополя и ветер**» по пьесе «**Ветер шумит в тополях**» современного французского драматурга **Жеральда Сиблейраса** (перевод **Гаянэ Исаакян-Арну**), которая стала возможна благодаря участию театра в федеральном проекте «**Культура малой Родины**» партии «Единая Россия» и содействию Авторского агентства «**Независимый театральный проект**».

И выбор драматургического материала, и команда постановщиков «с име-

«Тополя и ветер». Сцена из спектакля

нем» (а это питерцы **Руслан Нанава** — режиссер Государственного драматического театра на Васильевском, **Николай Слободяник** — главный художник театра «Мастерская», а также **Валентин Бакоян** — художник по свету из Ярославского ТЮЗа им. В. Розова) и молодые и жадные до работы актеры «Нашего мира» настраивали на то, что спектакль не будет ординарным. Так и случилось.

Стильная, композиционно отточенная, интеллектуальная, заставляющая думать постановка, без преувеличения, стала одним из самых заметных явлений в театральной жизни Томска и Северска в этом сезоне. Еще до начала действия входящие в зал зрители видят на сцене мужчин в белых хитонах, возлежащих на ступенях. Кто они? Античные философы, размышляющие о вечном в афинской школе? В какой-то мере так и есть.

По сюжету же Рене (**Андрей Гусев**), Гюстав (**Максим Шмелёв**), Фернан (**Андрей Губин**) — ветераны Первой Мировой войны, доживающие свой век в интернате и, волею судьбы, вынужденные стать друг для друга самыми близкими людьми. В их сегодняшней жизни ничего не происходит. Каждый день похож на другой, и оттого, что в первой сцене герои долго лежат на ступенях, лениво обмениваясь репликами, создается ощущение остановившегося времени. Невольно ждешь, когда старики (как им и положено!) начнут вспоминать прошлое. Но прошлого у них как бы и нет. Мы узнаем лишь толику из их другой жизни: они либо уклоняются от ответов на вопросы, либо ерничают, либо стремятся приукрасить себя. Несмотря на то, что у Фернана осколок в голове, и он то и дело падает в обморок, у Рене — больная нога, а Гюстав — агорафоб (человек, боящийся открытого пространства, скопления людей), они не вызывают жалости. Прежде всего потому, что не стремятся ее вызвать. Их диалоги, словесные перепалки доставляют истинное наслаждение — здесь столько иронии и самоиронии, подтрунивания

Рене — А. Гусев, Гюстав — М. Шмелёв

друг над другом, внутреннего сопротивления обстоятельствам.

А их стремление сбегать из богадельни?! На расположенный вдали холм, за которым они наблюдали с террасы много лет подряд, туда, где «ветер шумит в тополях». Сбегать, чтобы обрести свободу и ... отодвинуть смерть. Старики тщательно готовятся к побегу: вычерчивают карты, выстраивают маршрут, делают гимнастику, чтобы укрепить себя физически, даже начинают вести путевой дневник... Но вскоре становится ясно, что замысел этот — утопия, а подготовка к побегу гораздо увлекательнее, чем он сам. Да и в самом деле: куда же бежать в столь преклонном возрасте?

Интересно, что молодые актеры играют своих героев без старческого грима. Но наблюдая за их пластикой, слушая их

Фернан — А. Губин, Гюстав — М. Шмелёв, Анубис — А. Терсков, Рене — А. Гусев

голоса, находишься в полной уверенности, что этим людям далеко за...

— Мы пытались найти состояние старости не в возрасте, а в мироощущении. Ведь старость души свойственна и молодым, а юность души — старикам, — поясняет Руслан Нанава. — И, тем не менее, не отказались от каких-то незначительных деталей, намекающих на преклонные лета. Так, вместе с художником решили сделать ступени некомфортной высоты — 40 сантиметров. Когда шагаешь по ним, то положение тела искажается, что внешне выглядит, как старческая немощь. Долго думали над смехом. Герои возлежат на ступенях как тюлени, а потому и смех их решили сделать «тюлений», в котором есть что-то трогательное, смешное и беззащитное...

Несмотря на вполне бытовой сюжет и обычные диалоги, действие спектакля воспринимается метафорически. Постановщики заложили в него немало символов, разгадывать которые необычайно интересно. В пьесе Сиблейраса упомина-

ется бронзовая скульптура пса, которая много лет украшает нехитрую интернатскую обстановку. Ветераны настолько сжились с ней, что Рене то и дело кажется, будто собака поворачивает голову, а Гюстав даже предлагает ее, тяжеленную, забрать с собой во время побега. В большинстве спектаклей, которые ставились по этой пьесе в разных театрах, собака была неодушевленным предметом, реквизитом. В постановке же «Нашего мира» она представляет собой неподвижную и прямую как струна фигуру древнеегипетского антропоморфного Анубиса — проводника умерших в загробный мир. Именно его и играет **Артем Терсков**. Он находится здесь как напоминание о скоротечности времени, об ответственности каждого из живущих за свои поступки. И становится понятно, почему герои то и дело встают на расположенные в верхнем углу сцены медицинские весы — обязательный атрибут санаторных учреждений. Ведь на суде Осириса — царя загроб-

Финал спектакля

ного мира — Анубис провозглашал конечный результат сравнения души на весах со священным пером богини справедливости Маат и говорил, будет ли душа сожрана чудовищем или оправдана на суде и отправится в рай, где вечно цветут поля (в данном случае, где «ветер шумит в тополях»).

Смешение в одном пространстве мира античного и древнеегипетской мифологии, французского предместья и неожиданно, но к месту звучащей популярной советской песни («Тополя, тополя, мы растем и старимся, / Но, душою любя, юными останемся...») расширяет историю до масштаба вселенского. И это уже не зарисовка жизни состарившихся людей, а философское размышление о жиз-

ни и смерти, о выборе каждого из нас.

Метафоричен и финал пьесы. Трое в лодке, управляемой Анубисом (или Хароном?), словно по реке Стикс медленно уплывают в Вечность. По замыслу режиссера, актеры не выходят на поклон, потому что оттуда, куда уплыли их герои, не возвращаются...

Стоит добавить, что премьерная постановка «Нашего мира» вошла в афишу проходившего в конце прошлого года Томского областного театрального фестиваля «Маска» и была по достоинству оценена столичными критиками, став «Лучшим спектаклем малой формы».

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ
Фото Ларисы СЛИВИНОЙ